

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е.Г. МИЛЮГИНОЙ И М.В. СТРОГАНОВА «ГЕНИЙ ВКУСА: Н.А. ЛЬВОВ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ»*

Николай Александрович Львов (1753–1803) известен как личность поистине универсальная. Он был историком, переводчиком, сочинителем, драматургом, гравером и рисовальщиком, архитектором, создателем усадебных парков, исследователем и собирателем фольклора, инженером, изобретателем новых строительных материалов, разработчиком земельных недр, освоившим добычу бурого угля. Имя Львова можно встретить на страницах различных учебников по истории – искусства, архитектуры, литературы, инженерного дела, эстетики, музыки. Чрезвычайно велик был его авторитет в качестве своеобразного законодателя вкуса и эстетического эксперта для современных ему литераторов и художников, в особенности Г. Р. Державина, И.И. Хемницера, В.В. Капниста, Д.И. Хвостова. И сама компания, душой которой был Н.А. Львов, представляет собой едва ли не первое в новой российской истории сообщество поэтов-друзей, а не поэтов-соперников. Отсюда и ставший привычным в отношении Н.А. Львова эпитет «гений вкуса», вынесенный в заголовок книги – так определил роль Львова среди его знаменитых друзей родственник, современник и биограф нашего героя Ф.П. Львов.

Всем этим Н.А. Львов занимался, что называется, на досуге. Редкое сочетание одаренности и любительства, камерности творчества и одновременно государственного и историко-культурного масштаба многих его начинаний составляют своеобразную загадку Львова, которая манила к себе исследователей и представляла немалые трудности.

Монография, посвященная Н.А. Львову, вышла в Тверском государственном университете и стала итогом целой научной программы, посвященной изучению его творческого наследия, – серии научных конференций, собравших многих специалистов по истории архитектуры, усадебной культуры, русской литературы XVIII века, нескольких коллективных сборников, опытов переиздания работ Н.А. Львова, публикаций архивных материалов, натуральных и историографических исследований. Задача монографии предельно ясно обозначена в заглавии: подвести итог – не только этой научной программе тверских исследователей, но в целом изучению наследия Н.А. Львова. И одновременно обосновать концепцию готовящегося к изданию полного собрания сочинений Н.А. Львова, в котором имеющийся исследовательский опыт должен быть использован и переосмыслен.

План будущего издания определил структуру монографии. Она включает три больших главы, представляющие различные стороны деятельности Н.А. Львова. Первая посвящена архитектурным работам, среди которых постройки и проекты, садово-парковые работы, архитектурная графика, работы по теории архитектуры, эстетическим взглядам Львова, связанным с архитектурным творчеством. Вторая глава названа «Музыкальные искусства» и посвящена литературному наследию Львова, драматургии, музыкальным сочинениям, а также собиранию фольклора, разысканию и публикации летописей. Здесь речь идет о жанровой системе сочинений Львова, его литературной позиции, показано, как важно отделить действительное новаторство Н.А. Львова от общепринятых представлений и приемов в области литературного языка, жанра, эстетических принципов. Большое внимание уделено такой яркой особенности поэтического

* Милюгина Е.Г., Строганов М. В. Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения: Монография. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. — 278 с., 52 илл., портр.

слова Н.А. Львова, как широкое использование просторечных форм и конструкций. Заключительная глава посвящена документам, на основании которых реконструируется биография Н.А. Львова. Это различные документы, иллюстрирующие его государственную службу и хозяйственные заботы помещика, устройства собственных усадеб, переписка, воспоминания современников.

Подведение итогов исследовательской традиции, которую в пору словами авторов называть «львоведением», обусловило общую историографическую тональность книги. Современное обращение к творчеству классика требует ревизии всей исследовательской традиции, критического отношения к опыту предшественников, кропотливой работы по отделению фактов от вымысла, пусть и благого. Дело в том, что документально датированных работ Львова известно не слишком много, рукописи его поэтических сочинений по большей части утрачены, в отдельных случаях авторство Львова сомнительно. Но обаяние этого персонажа столь велико, что сложилась негласная и, разумеется, не безупречная традиция, скажем, приписывать Н.А. Львову особенно выразительные памятники провинциальной усадебной архитектуры. Его переводные сочинения порой считались оригинальными, а выполненные Львовым публикации летописей в изобилии содержали вольный авторский пересказ исторических событий.

Итак, одной из важных проблем, встающей перед современными исследователями наследия Н.А. Львова, является анализ существующих атрибуций, вычленение работ Львова, авторство которых прямо или косвенно документировано, комментирование сомнительных или вероятных атрибуций, анализ аргументов, их подтверждающих или опровергающих. В монографии этому вопросу уделено самое серьезное внимание, а читать анализ и критику различных атрибуций – занятие чрезвычайно увлекательное и познавательное.

Другой не менее интересный сюжет книги – это ревизия некоторых стереотипов, связанных с оценками творческого наследия Н.А. Львова и самого образа

этой яркой личности. Авторы монографии обращаются к проблеме универсальности дарований Н.А. Львова, которая заслужила диаметрально противоположные оценки, но в целом сомнению не подвергалась. Так, И.Э. Грабарь, более всего ценивший в творческом наследии Львова то, что связано с архитектурой и традицией палладианства, считал его талантливым самородком, который постоянно гнался за новыми знаниями и постоянно разбрасывался. Современные биографы Львова, напротив, хотят видеть в нем выдающегося архитектора, музыканта, драматурга, многое сделавшего впервые, и к тому же пылкого влюбленного, счастливого мужа и отца пятерых детей.

Через всю книгу проведен особый и весьма плодотворный взгляд на феномен дилетантизма, который не следует модернизировать исходя из наших сегодняшних представлений об узкой специализации сфер деятельности. Не следует также идеализировать, отвечая на все вопросы утверждением гениальности и кипучей любознательности. В личности Львова авторы монографии предлагают видеть «профессионального» помещика, деятельность которого охватывала все сферы усадебной жизни – самостоятельного и довольно замкнутого мира, в котором он был полноправным хозяином, предлагают узнать в нем представителя русского усадебного дворянства, получившего право вольности и возможность не служить в обязательном порядке, но жить в своем поместье и заниматься хозяйством. Усадебная культура здесь понимается не только и не столько как архитектурно-ландшафтный комплекс, но как образ и стиль жизни, в которой синкретично соединены самые разные виды занятий, интересов, вкусов.

Авторы книги предостерегают против абсолютизации полярных оценок и против желания обнаружить главное занятие Львова, в котором бы его вклад был наиболее заметен. Дело в другом – в отсутствии четкого водораздела между личным, приватным и общественным, государственным. Между личным выбором увлечений и «случаем», воспользоваться которым можно, обладая изрядной долей авантюризма. В книге

убедительно показано, например, что занятие землебитным строением (прологом к нему стало возведение Приоратского дворца в Гатчине) было служебной деятельностью Львова, чиновника Экспедиции государственного хозяйства. Но в то же время вполне привычным и нормальным явлением было разместить вновь учрежденную школу землебитного строения в собственной усадьбе Никольское.

Монография, посвященная творчеству Н. Львова, поднимает круг проблем, которые сегодня принято называть междисциплинарными. К этому располагает с одной стороны разнообразие творческого наследия Н.А. Львова – художественного, инженерного, этнографического. С другой – необходимость преодолеть привычные дисциплинарные границы научного мира, в которых филологу не принято высказываться по поводу теории архитектуры, а специалисту по химии не следует рассуждать на эстетико-философские темы. Но по отношению к Львову дисциплинарные приличия оказываются вопиюще искусственными и чужеродными.

В связи с феноменом дилетантизма было бы неплохо поразмышлять, насколько адекватным будет «видовой» и «жанровой» подход к изданию будущего собрания сочинений. В заключении монографии сказано, что авторы сознательно избежали стилевых классификаций – классицизм, сентиментализм, романтизм – понимая что эти ярлыки не проясняют ни особенностей личности, ни характера деятельности. Но ведь и строгая демаркация изящной сферы на виды искусства – явление позднее, духу времени, в котором жил Львов, слабо соответствующее. Да и различие изящного (художественного) и практического (нехудожественного) тоже было весьма условным. Если же помнить, что в вы-

боре занятий и характере проектов, которыми занимался Львов, велика роль жизненных обстоятельств, которыми он, судя по всему, старался не пренебрегать, тогда более надежно сделать стержнем собрания сочинений судьбу героя, этапы или периоды его жизни, то столичной, то усадебной.

Еще одним любопытным сюжетом, который просто срывается с пера, является мифологизация личности Н.А. Львова. Не отделение фактов от вымысла, а сама традиция мифологизации. Многие стереотипы в оценках этой личности плоть от плоти романтических представлений о гении, а возможность развенчания мифов, в том числе и некоторых мифов атрибуции, связана с утратой романтических (в самом широком смысле) представлений о том, каким должен быть подобный герой. Проведенная когда-то В. М. Живовым демифологизация биографии Ломоносова на основе анализа социальных стратегий нисколько не умалили значимости этой личности и его гениальности, но, напротив, подарили ощущение исторической правды века, в котором тот жил и творил.

Хотелось бы, завершая рецензию, заметить, что переосмысление исследовательской традиции «львоведия» не может завершиться новой каталогизацией его наследия (хотя понятно, что сама по себе эта работа чрезвычайно кропотливая и нужная), она требует не только ревизии интерпретационных стратегий, но и создания современной версии понимания жизненного мира русского дворянина-помещика, каким был Н.А. Львов.

К сожалению, новая книга о Н.А. Львове, представляющая как никогда полно и его творчество и исследовательский контекст, как это часто случается сегодня, издана небольшим тиражом и практически сразу стала библиографической редкостью.